

Ж. Антрэ
**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА КАЗАКА И РУССКИХ ВО ФРАНЦИИ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ РЕСТАВРАЦИИ (1814–1815)***

УДК 94(44)«1814»

ББК 63.3(2)521.1-686

На основе комплекса документов из французских провинциальных архивов автор реконструирует представления, бытовавшие среди населения Франции конца наполеоновской эпохи, о казаках и в целом о русских. Одно из уголовных дел, которое рассматривалось в суде в Нормандии в 1814 г., показывает, что возможность появления войск Александра I пугало мирных жителей даже в районах, расположенных далеко от полей сражений. Это давало возможность криминальным элементам использовать образ русского с целью устрашения представителей местной провинциальной верхушки. Подобные манипуляции стали возможны по причине того, что французское население имело весьма скудные сведения о захватчиках. Статья дает возможность реконструировать начальный этап формирования коллективной памяти французов о русских времен наполеоновских войн, в особенности периода оккупации страны войсками союзников в 1814–1818 гг.

Ключевые слова: *образ казака в коллективной памяти Франции, оккупация Франции в 1814 г., русские дезертиры во Франции в 1814 г.*

Оккупация Франции в первые месяцы 1814 г. затрагивала только некоторую часть страны. Контраст между восточными департаментами (от Эны до Альп), юго-западными департаментами и другими частями страны, которые не были вовлечены в сражения, был очень велик. Однако и эти последние территории были взбудоражены слухами о врагах, а в скором времени — появлением странных личностей и дезертиров союзных армий. Именно в такой обстановке и возникает «дело Розе», в которое оказались вовлечены власти сразу нескольких департаментов.

Факты были следующими. 13 сентября 1814 г. Августин Розе был задержан в Энгвилле, в нормандском департаменте Нижняя Сена (сегодня Приморская Сена), из-за «фальшивых государственных документов».¹ Этот француз заявлял, что состоит на службе у герцога Беррийского и союзников и имеет приказ разыскивать дезертировавших солдат иностранных армий. На самом же деле это был бывший торговец мясом из Нантёй-ле-Мо (Сена и Марна), вышедший несколькими месяцами ранее из

тюрьмы Шато-Тьерри в Эне. Возможно, он был безумен или, скорее, напоминал самоуверенного пройдоху, не лишённого таланта. Несмотря на анекдотичность подобного события, интересен сам факт появления такого персонажа, поскольку департамент Нижняя Сена находился далеко от места сражений.

Августин Розе родился между 1768 и 1778 гг. в Нантёй-ле-Мо, где он жил до конца Первой империи.² Обвиненный в умышленном банкротстве,³ он был задержан 20 декабря 1813 г. и до 13 февраля 1814 г. пребывал в следственном изоляторе Шато-Тьерри. Благодаря событиям военного времени он смог оттуда сбежать и, несмотря на поиски жандармерии, не был пойман. Его обнаружили лишь в конце мая 1814 г., когда он объявился верхом на лошади в военном мундире, вооруженный карабином и гусарской саблей, гордо демонстрировавший белый плюмаж на шляпе и ордена Почетного легиона и Лилии. Розе не колебался в присвоении престижных наград заслуживших их офицеров и в возложении

¹ Архив департамента Приморская Сена (Archives départementales (далее — AD) Seine-Maritime). 2 U 1476. Дело Розе, обвинительный акт королевского суда Руана, 02.03.1815.

Антрэ Жак — исследователь Центра изучения истории XIX в. университета Париж I (Франция, Париж)
E-mail: jacques.ha@free.fr

* Перевод с французского И. Е. Харлова, научный редактор русской версии — д.и.н. В. Н. Земцов

² Документы процесса освещают этот вопрос достаточно расплывчато, и поиски в оцифрованных гражданских архивах на сайте архивов департамента Сена и Марна не прояснили его. Бракосочетание, состоявшееся 8 вандемьера XI года в присутствии мэра Эперне, могло быть его собственным; он был указан как Франсуа Августин Розе, рожденный в июне 1768 г., мясник из Нантёй-ле-Мо. Таким образом, он был старше, чем указал в документах процедуры слушаний; это вполне может быть и согласуется с его участием в военных действиях в 1792 г. (AD Marne. 2 E 258-250, 8 вандемьера XI года).

³ Ранее он убил своего зятя и после вынесения приговора уголовным судом Марны провел один год в тюрьме.

на себя звания су-лейтенанта 2-го эскадрона 2-го полка шевалежеров герцога Беррийского. Он заявил, что занимается поисками дезертиров армий союзников и что на это у него есть разрешение префектов департаментов. Розе показывал супрефектам и мэрам два фальшивых акта, подписанных «Woskonsky» и «Sacknin», которых он выдавал за русских генерала и полковника, командовавших иностранными войсками во Франции и выполнявших функции временного правительства.⁴ Также он получал ордера на расквартирование для себя и своего слуги с двумя лошадьми и с обеспечением провизией. С мая по 13 сентября Розе пересек департаменты Марна, Сена и Марна, Уаза, Сомма и округ Гавра в Нижней Сене. Все это время он удачно выпрашивал себе ордера на расквартирование и визировал их у мэров. Не брезговал он и угрозами по отношению к упрямам. 13 сентября он попытался принудить сотрудников супрефектуры и мэрии Гавра, равно как и мэра Энгвилля, к предоставлению ему квартиры; это привело к тому, что за ним установили слежку, а затем арестовали.⁵ В момент задержания в его вещах были найдены 12 ордеров на расквартирование, выданных разными мэрами, и это показывает, что он был достаточно убедительным.⁶

Вероятно, он придумал себе историю лжевоенного в период кампании во Франции. Его рассказ был сконструирован на основе того, что могло знать в тот момент французское население департаментов, находившихся вдалеке от событий, связанных с вторжением союзных армий. Генеральному прокурору апелляционного суда в Руане в период Ста дней он представился как «бывший солдат 1792 года» и «солдат кавалерии 1792 года», принявший участие в 14 кампаниях и получивший 7 ранений; он заявил, что готов «[предложить] правительству [свою] военную отвагу и двух лошадей, [которых он] отбил ... в битве при Шато-Тьерри 13 февраля 1814 года» у прусского офицера, захваченного им на гла-

зах у 14 солдат, которыми он командовал, а также в другой битве при Клиши, около Парижа, 29 марта 1814 г. у русского. Розе утверждал, что, попав в плен при Шато-Тьерри, он оказался на службе у генерала Венсана (с сентября 1813 г. до 7 апреля 1814 г.).⁷ В действительности же мэр Шато-Тьерри взял его «на поруки». Розе жил несколько месяцев в этом городе, перебравшись из Эперне, где в 1813 г. он был мясником. Новые конфликты с законом и банкротство подвели его под трибунал. И он снова оказался в тюрьме в Шато-Тьерри, из которой однако вышел, когда ее двери были открыты союзниками. Он моментально исчез, чуть позже появился снова, уверяя, что «выполняет поручение главной квартиры императора Наполеона». Мэр Шато-Тьерри полагал, что «все его действия не имели других мотивов, кроме как желания пограбить». В те времена Розе «присвоил себе чин партизанского офицера» и украсил свою грудь крестом, якобы полученным за битвы под Реймсом. Мэр Шато-Тьерри считал, что он «очень опасен»⁸ и «сгодится для заселения, к примеру, Кайеннских колоний».⁹ Префект Нижней Сены подтвердил, что воспринимает Розе как «истинного авантюриста».¹⁰

Итак, перед нами умный человек, манипулятор, возможно, фантазер. Он умеет, будучи чрезвычайно ловким, извлекать выгоду из складывающихся обстоятельств. Он использует впечатление, которое производит мундир, убеждает «документами», наконец, прибегает к различным угрозам. Он присваивает себе должности, которые реально существовали, и, более того, исполняет эти роли благодаря правдоподобности сценария и легковёрности тех, с кем ему приходится сталкиваться. Нет

⁷ Там же. Августин Розе, 1815. Кавалерийский генерал Анри Катрин Балтазар Венсан (1775–1844) был хорошо известен в Шато-Тьерри, где он командовал национальной гвардией, которая должна была прикрывать Париж начиная с 24 февраля (см.: Georges Six. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire. T. II, Paris; Saffroy, 1934. P. 559).

⁸ AD Seine-Maritime. 2 U 1476. Дело Розе, мэр Шато-Тьерри следователю в Гавре, 22.10.1814.

⁹ Имеется в виду Кайенна (Французская Гвиана), куда отправляли особо опасных преступников.

¹⁰ AD Seine-Maritime. 2 U 1476. Дело Розе, префект следователю в Гавре, 20.10.1814. Речь идет о С. С. К. Жирардене (1762–1827), известном политическом деятеле времен Революции и Империи, во время Реставрации (с марта 1812 г. по август 1815 г.) занимавшем пост префекта Нижней Сены (за исключением второй половины мая 1815 г.). С момента начала аферы и в ходе процесса над Розе он был на посту префекта Руана (Bargeton R. et al. Les préfets du 11 ventôse an VIII au 4 septembre 1870. Paris, 1981. P. 147, 148).

⁴ В конце концов он стал хвалиться знакомством с комиссаром верховной полиции. В «подписавших» документы должны были узнать, вероятно, генералов М. С. Воронцова и Ф. В. Остен-Сакена.

⁵ AD Seine-Maritime. 2 U 1476. Дело Розе, информация, трибунал Гавра, 26.10.1814; Пометки с исправлениями секретаря суда Гавра, 27.12.1814; Обвинительный приговор, королевский суд Руана, 02.03.1815.

⁶ Он утверждал, что мэры ему выдали ордера, когда он «заговаривал фураж для армии союзников» или когда он «состоял на службе армии союзников» (Там же. Протокол допроса, трибунал Гавра, 01.10.1814).

ничего удивительного в том, что Розе примерял на себя поочередно разные лики, должности и посты, иногда абсолютно противоположные: рожденный в конце правления Людовика XV или в начале правления Людовика XVI, он познал все режимы, которые Франция пережила. Когда он был еще ребенком, разразилась Революция; когда он был в брачном возрасте, пришел к власти Бонапарт; когда он был уже зрелым человеком, Людовик XVIII восстановил монархию. Как и многие его соотечественники, он стал свидетелем самых разных политических событий. Присутствие иностранных войск в его глазах было не чем иным, как только одним из элементов среди множества других эпизодов в быстро меняющейся политической ситуации.

К этому добавим, что Розе был свидетелем ужасных событий, сопровождавшихся жестокостью, на границе Шампани и Пикардии во время кампании во Франции. Тем не менее мы не знаем, что он при этом чувствовал и как он, простой преступник, смог выйти сухим из воды в тот момент, когда продолжали действовать гражданские власти, французская армия и иностранные военные силы.

В Шато-Тьерри он ожидал прихода врагов с 6 февраля 1814 г., т. е. с момента, когда силы защитников ослабли. Бои начались 7 февраля с приходом пруссаков, которым противостояли 1 000 человек маршала Ж. С. Ж. А. Макдональда, герцога Тарентского. 9 февраля пруссаки захватили город, выдвинули невыполнимые требования, стали совершать акты насилия.¹¹ Это происходило накануне сражений при Шампобере (10 февраля) и Монмирале (11 февраля).¹² Ход событий тех дней нам известен благодаря газете «le Moniteur» от 28 февраля, содержащей протокол встречи делегации Шато-Тьерри в мэрии Парижа, которая состоялась на два дня раньше. Эта информация созвучна словам Розе. Нотабли Шато-Тьерри сообщил парижскому муниципальному совету о том, что, помимо грабежей, союзники «открывают тюрьмы, чтобы там искать среди злодеев проводников, которых потом снова запирают в тюрьмы». Он также указал на их жестокость по отношению к жителям, к торговцам, к церквям.¹³

Так, отступление русских под командованием Ф. В. Остен-Сакена, а затем и пруссаков Л. Йорка сопровождалось убийством 17 французов и изнасилованиями.¹⁴ Пруссаки убили и своих проводников, которые должны были их сопровождать.¹⁵ Жители в большом беспорядке бежали.¹⁶ Французы отбили Шато-Тьерри 12 февраля,¹⁷ и в тот же день Наполеон вошел в город.¹⁸ 17 февраля французский гарнизон, поддержанный местными жителями, двинулся в бой против врага. Реальным или выдуманным был факт присутствия Розе среди партизан, он был всего лишь эхом происшедшего. Несколькими днями позже, а именно 21 февраля, население окрестностей Шато-Тьерри сражалось с захватчиками.¹⁹ В округе отмечались беспорядки, благоприятствующие появлению персонажей, более или менее правдоподобно представленных нашим самозванцем.²⁰ Итак, мы знаем, при каких условиях Розе покинул Шато-Тьерри; очевидно, те, кто пал тогда жертвами войны, впоследствии «ожили», но уже в другом месте.

*Первая реставрация:
размытый образ русских*

После того как мы увидели, откуда Розе пришел, вернемся к нему в тот момент, начиная с конца вторжения 1814 г., когда он совершает свое жульничество. Эта афера хорошо показывает, что восприятие русских французами было очень расплывчатым, в частности в регионах, которые избежали вторжения. Различия в написании имен высших русских офицерских чинов говорят о том, что французы знали их только по слухам.

Вот список русских имен, упомянутых на процессе: Woskonsky, Vosconsky, Votkonsky, Woskonscky, Vasconquy, Sacknin, Saken. Наконец, в довершение сказанного отметим, что из уст мэра Энгвилля прозвучало следующее: «Русский принц, чье имя я не припоминаю».

Розе причислял себя к состоявшим на службе у русских, но их имена были по-разному написаны в документах процесса, и нельзя знать наверняка, сделано ли это сменяющимися секретарями суда, или это ошибка самого Розе. Личность этих людей также неясна:

¹¹ См.: Fleury E. Le département de l'Aisne en 1814. Laon, 1858. P. 79–81.

¹² См.: Boudon J. O. Napoléon et la campagne de France. Paris, 2013. P. 76.

¹³ См.: Fleury E. Op. cit. P. 101–103.

¹⁴ Ibid. P. 105, 106.

¹⁵ Ibid. P. 108.

¹⁶ Ibid. P. 105, 111.

¹⁷ См.: Boudon J. O. Op. cit. P. 77.

¹⁸ См.: Fleury E. Op. cit. P. 110.

¹⁹ Ibid. P. 168, 169.

²⁰ Ibid. P. 175, 564.

один из них был то ли генерал, то ли русский принц.²¹ Несмотря на неопределенность, которая характеризовала документы Розе, имя престижного персонажа внушало доверие представителям власти. Хорошо видно, в каком замешательстве пребывали власти в начале первой реставрации: некто, сбежавший из тюрьмы, мог въезжать в разные департаменты, как он того сам желает, и пребывать там сроком от 4 до 6 месяцев без каких-либо особых расспросов, занимая публичные должности. Во время Ста дней Розе представлялся солдатом 1792 г., но в период первой реставрации говорить о близости с русскими оказалось делом гораздо более эффективным.

Нижняя Сена в то время уже столкнулась с распространяющейся преступностью, ставшей результатом действий как гражданских лиц, убегающих от войны, так и бывших военных, которым было сложно вернуться к гражданской жизни. К примеру, Андре Гедин, 35 лет, рабочий-ювелир, родившийся в Женеве и проживавший в Руане, был обвинен в том, что он возглавлял группу лиц, которые угрожали властям, пытаясь ввезти мясо и напитки в предместье Сен-Север в Руане. В итоге он был признан невиновным.²² В Бёврэй (департамент Нижняя Сена) в ночь с 3-го на 4 июня 1814 г. был совершен грабеж на мельнице. Организатором оказался Пьер Квентин Роже, 25 лет, бродяга и дезертир, родившийся в округе Бове в Уазе, где до призыва он был мельником.²³ Более того, воображаемая фигура казака или русского снова была использована для того, чтобы пугать французов; она выполняла своего рода социально-агитационную функцию. Розе здесь оказался не одинок. Франсуа Оноре Деннель, 37 лет, родился в Абвиле, в округе около Соммы, в районе, который был разорен войной.²⁴ Потеряв работу, он стал ничем. 13 апреля он уехал из Амьена, где жил

возле моста Сен-Мишель.²⁵ Его обвиняли в попрошайничестве с использованием физической силы. 12 июня 1814 г., в сопровождении жены и ребенка, он направился к мэру Нёвиль-сюр-Ольн. Он обрушился на мэра, обвиняя его в том, «что тот был богат, и что через 10 дней он увидит французских казаков, чьим главарем он является, и что они разграбят и сожгут его жилище». Мэр, Пьер Шарль Тролле, землевладелец 55 лет, испугался. К тому же Деннель ранил его, ударив камнем по голове, хотя, будучи задержанным, он отрицал это.²⁶ Сестра жертвы, Мари Анна Клотильда Тролле, в замужестве Миро, 45 лет, точно воспроизвела то, что услышала: «Они угрожали поджогом, и они сказали, что если он еще не видел русских казаков, то они придут сюда, или же ты увидишь французских казаков, первыми из которых будем мы». Два свидетеля подтвердили эти слова,²⁷ и это стоило Деннелю приговора.²⁸ Амьенский земледелец воззвал к врагу, от которого пострадал, с целью взять реванш над своими более удачливыми согражданами. Розе же пошел гораздо дальше: он идентифицировал себя с прежними врагами — иностранцами, — чтобы, приняв их образ, взять социальный реванш, пусть и безуспешно. В целом, задолго до 1830 г., до превращения казака-варвара в рабочего городов времен правления Людовика-Филиппа, казак уже представлялся фигурой, символизирующей социальный беспорядок.²⁹

Реальное эхо поиска дезертиров

Специфика режиссуры Розе заключалась в том, что он слышал об одном офицере, ответственном за поиск дезертиров, и что тот был прекрасно принят французским обществом. При этом офицер поддерживал хорошие отношения с русскими войсками во Франции. Это позволяет думать, что военные власти эпохи Александра I до определенной степени мирились с подобными практиками. Факт существования такого персонажа подтверждается записью о бракосочетании 2 марта 1815 г. в Овер-сюр-Уазе, расположенном недалеко от Парижа: «Николаеф-федор Дударчук

²¹ Сам Розе всегда представлялся лаконично, поскольку больше говорил о своих вышестоящих офицерах. На одном из допросов он вскользь упомянул «генерала Восконски, Россия». Когда его спросили, путешествовал ли он с принцем, он ответил, что он его сопровождал несколько раз до того, как русские покинули французов в Реймсе (AD Seine-Maritime. 2 U 1476. Дело Розе, протокол допроса, трибунал Гавра, 29.09.1814).

²² Там же. 2 U 1461. Дело Гедина, обвинительный приговор, 11.10.1814; протокол допроса, 19.10.1814 и протокол слушаний, 24.11.1814.

²³ Там же. Дело Розе, обвинительный приговор, 30.05.1814; распоряжение об аресте в трибунале Нёшателя против Розе, 03.02.1814.

²⁴ Там же. Дело Деннеля, обвинительный приговор, 1814.

²⁵ Там же. Протокол допроса Деннеля, следователь Нёшателя, 13.06.1814.

²⁶ Там же. Дело Деннеля, обвинительный приговор, 1814.

²⁷ AD Seine-Maritime. 2 U 1461. Дело Деннеля, информация против Деннеля судебного следователя Нёшателя, 21.06.1814.

²⁸ Там же. Дело Гедина, протокол слушаний, 23.11.1814.

²⁹ Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. Paris, 2005. P. 223, 224.

(Nicolaiëf-fedor Doudarchouk)», обувщик из Овера, рожденный в 1789 г. «в деревне Софитц (Sopphitz), управления Житоме (Zitome) в России» женился на женщине из Овера. Дударчук действовал в рамках французского закона, поскольку при отсутствии документов, подтверждающих русское происхождение, ему необходимо было составить нотариальный акт у мирового судьи кантона, где он проживал, что и было сделано 21 февраля. Среди свидетелей фигурируют «Андре де Спonti (André de Sponty)», 25 лет, русский офицер полка Галиской (de Galiskoÿ), «определенный на службу в Понтуазе для поиска русских дезертиров», и Николя Руссо, 35 лет, сборщик косвенных налогов в Понтуазе. Первая подпись «Спonti» была сделана латиницей.³⁰ Андре де Спonti несколько раз останавливался в маленькой деревушке Понтуаз, недалеко от Парижа. Он упоминается в книгах записи актов гражданского состояния данной местности по случаю рождения 16 апреля 1815 г. и смерти 22 апреля того же года его дочери Адель Матильды. Он был указан здесь как «Андре Спonti» рядом с именем своей супруги Франсуазы Жюли Тийард, 21 года, возможно, французки.³¹ Для нас интересно также упоминание свидетелей, жителей Понтуаза, представителей буржуазии, с которыми Спonti должен был иметь дело. Речь идет о Луи Огере, директоре приюта, и о Клоде Антуане Кюссаке, комиссаре полиции.³² Спonti необходимо было поддерживать отношения с этими людьми в ходе поиска русских дезертиров. Что касается Дударчука, он сохранил связи с прежними военнопленными, которые осели в данном регионе. Это, в частности, проявилось во время свадьбы в Овере 15 мая 1816 г. по случаю бракосочетания Жана Бартоломова (Jean Bartholomov), 30 лет, рожденного в «городе в провинции Турции в русской Польше», находящегося во Франции с весны 1814 г., и местной жительницы. Свидетели, проживавшие

в Понтуазе, были «все из русской Польши»: они прибыли во Францию в тот же период времени, что и он. Это Николя Арсель, журналист 30 лет, и Жан Баптист, 24 года, обувщик. На церемонии присутствовали также Томас Мазарон, обувщик 28 лет, осевший в Таверни; упоминается и обувщик Никола Жозеф Дударчук.³³

Французский источник упоминает и о менее приятной участи некоторых русских пленных. Между 11 сентября 1815 г. и 26 января 1816 г. 192 русских дезертира содержались в парижской тюрьме Сент-Пелажи. Первым был помещен туда человек 46 лет, рожденный в Варшаве, «доставленный из комендатуры российской армии». Позднее он был передан капитану русского штаба. Вероятно, он был расстрелян на Гренельской равнине.³⁴ Мы не знаем, что стало причиной подобных различий в судьбе дезертиров. Почему некоторые русские смогли обосноваться во Франции при лояльном отношении со стороны властей своей страны, в то время как другие подвергались преследованиям? Это является задачей, которая может быть решена при сопоставлении нашей информации с русскими источниками.

Возможности административных документов и их пределы

Супрефекту Гавра, который арестовал Розе, последний представился как «офицер шеволежерского собственного его королевского высочества герцога Беррийского, определенный иностранным принцем на поиск и возвращение дезертиров русской армии и союзников». Супрефект решил, что Розе, возможно, подделал документы.³⁵ В самом деле так оно и было. Судебное дело Розе не дает нам информации ни о беспорядках, которые последовали за вторжением 1814 г., ни о том, каков был образ русского офицера и насколько он отличался от реального. Но оно дает нам информацию о том, как относились во Франции начала XIX в. к государственным документам. Внимание к ним, которое проявил мошенник из Шампани, и финальная неудача его предприятия демонстрируют исключительную роль документов в жизни общества того периода и в то же время отсутствие у населения опыта обращения

³⁰ Муниципальный архив округа Понтуаз (Archive municipales de Pontoise). 3 E 12-32, 02.03.1815.

³¹ В настоящее время невозможно более тщательно идентифицировать личность Андре Спonti (или де Спonti). Связан ли он с Мишелем Спonti, человеком венецианского происхождения, находившимся под покровительством Франции, осевшим в это время в Серре, на Балканах? Приняв христианство, Мишель выполнял в интересах Франции коммерческие и дипломатические поручения (см.: Koutzoukiatis G. Un représentant d'Etats européens dans l'arrière-pays ottoman. Le cas de Sponty à Serrès (fin XVIIIe — début XIXe siècle) // The Historical Review / La Revue Historique. 2008, № 5. P. 95–106).

³² Archive municipales de Pontoise. 1 E 21, 16.04.1815; 1 E 202, 22.04.1815.

³³ Там же. 3 E 12-32, 15.05.1816.

³⁴ См.: Alboize et Marquet A. Les prisons de l'Europe. T. IV. Paris, 1845. P. 222.

³⁵ AD Seine-Maritime. 2 U 1476. Дело Розе, супрефект Гавра королевскому прокурору, 1814.

с ними. Многочисленные исследователи также подчеркивают, что это время было отмечено возрастающим вниманием к государственным документам.³⁶ Можно найти следы этого и в источниках, с которыми мы работали в связи с делом Розе, поскольку он представил множество бумаг с целью подтвердить свою личность. Все они служили для получения должностей обманным путем. Впрочем, исследуя и сопоставляя документы, люди, с которыми Розе контактировал, в конце концов разоблачили его. В любом случае, сам факт огромного количества документов означал, что мэры были, несмотря на бдительность, введены в заблуждение, в частности, в таком важном городе, как Фекан.

После ареста в Гавре у Розе были изъяты три кипы бумаг. В деле говорится о 21 «разрешении», полученном в округе Гавра; 4 тетради представляли собой визы, выданные различными должностными лицами этого округа. Наконец, было изъято 73 сертификата и акта, которые рассматривал судебный следователь из Гавра, проводивший для Розе очную ставку.³⁷ Подследственный оказался обладателем множества государственных бумаг, касающихся его жизни в Шато-Тьерри в 1813 г., таких как налоговые сертификаты, патенты и пр. Он сфабриковал, впрочем неумело, документ, удостоверявший его вступление в ряды членов ордена Почетного легиона, а также аттестат, выданный в Берри-о-Баке 7 мая 1814 г. (правда на нем была печать мэрии Бело, что недалеко от Шато-Тьерри). Мясник из Нантёй-ле-Мо, который утверждал, что является рыцарем ордена Почетного легиона, записанным под номером 24 738, на самом деле присвоил себе кавалерство человека по имени Менего, барабанщика 106-го линейного полка, записанного в члены ордена 17 июля 1809 г.³⁸ Существование центральных архивов надежно позволяло вычислять фальсификаторов.³⁹

Но если сотрудники канцелярии ордена Почетного легиона не сомневались в отноше-

нии подлинности документов, то среди небольших и средних общин, где люди идентифицировали друг друга скорее посредством сети знакомств, чем по официальным документам, ситуация с определением их подлинности была все же другой. Тем не менее, во время чтения показаний 12 свидетелей в этом деле стало ясно, что все-таки у большинства была привычка прочитывать официальные документы. Среди этих свидетелей мы находим пять мэров, учителя младшей школы, служащего при мэре, секретаря мэра Фекана и секретаря руководителя муниципалитета Гавра.⁴⁰ Некоторые из них читали документы критически и с недоверием. Так, Франсуа Мари Додар, 53 лет, мэр Энгвилля, объявил, что Розе предстал перед ним 12 сентября и перечислил все свои звания и должности, прежде чем сказать: «...по распоряжению принца России». Додар ответил, что он ему доверяет, но ему необходимо знать мнение супрефекта. Розе показал огромное количество виз мэров и супрефекта Дьешпа, вслед за чем Додар предусмотрительно отправил его на постоянный двор, прежде чем писать супрефекту Гавра. Все это и повлекло за собой арест выходца из Шампани.⁴¹

Если в результате бдительности чиновников в маленькой сельской коммуне Энгвилля закончился путь ложного сотрудника русских властей, то проницательность должностных лиц мэрий маленьких и средних городов была в течение XIX в., по меньшей мере, неодинаковой. Дени Даниель Ансель, 50 лет, помощник мэра в Гавре, который столкнулся с Розе 12 сентября в мэрии нормандского портового города, не дал ввести себя в заблуждение этому человеку, украшенному орденом Почетного легиона и говорившему, что он отвечает за поиск дезертиров русской армии и ее союзников. Хотя человек при наградах и с белым плюмажем показал «огромное количество бумаг», Ансель отказался выдавать ему ордер на расквартирование; при данных же обстоятельствах секретарь мэра, кажется, был менее осмотрителен.⁴² Напротив, в Фекане немного ранее словоохотливость и уверенность Розе в общественных местах (он хорошо выглядел, не колебался и показывал множество бумаг) привели к тому, что власти прониклись к нему

³⁶ По поводу ужесточения процедуры контроля и идентификации личности начиная с периода Революции см.: Denis V. Une histoire de l'identité. France, 1715–1815. Seyssel, 2008. P. 242.

³⁷ AD Seine-Maritime. 2 U 1476. Дело Розе, опись бумаг, 17.01.1815.

³⁸ Там же. Генеральный секретарь канцелярии ордена Почетного легиона судебному следователю Гавра, 1814.

³⁹ Необходимо сказать, что, несмотря на порой ужасную орфографию, у него был очень красивый подчёрк (Там же. Розе председателю апелляционного суда Руана, 08.08.1815).

⁴⁰ Там же. Список свидетелей, представленных на судебном заседании 06.05.1815.

⁴¹ Там же. Информация, трибунал Гавра, 26.10.1814.

⁴² Там же. Записи секретаря уголовного суда Гавра, 27.12.1814.

расположением. 28 и 29 августа его представили Дюрану, главному секретарю мэрии, которому он говорил о возвращении в Амьен дезертиров из 15-й военной дивизии союзной армии и выставлял напоказ огромный портфель, набитый документами, выданными мэром. Перед тем как быть представленным мэру, он расположился в доме негоцианта, который в то время отсутствовал; он дважды посетил кафе, где сообщил о скором прибытии герцога Беррийского, вознося ему хвалы. Вследствие всего этого первый помощник мэра подписал требуемый им сертификат.⁴³

Недовольный тем, что у него были недостаточно убедительные документы относительно наград, Розе разработал всю документацию, подтверждающую его воображаемые должности на службе у русских. Все вместе не было лишено определенной логики и являло собой пример административных практик того времени. Самозванный офицер также возил с собой Собрание законов и постановлений (№ 6 от 1814 г., № 5 из переписки префекта с должностными лицами департамента Нижняя Сена), циркуляры супрефекта Гавра и Ивето. Он сам составил или же позаимствовал где-то список коммун разных кантонов Нижней Сены. В конце концов, он был обладателем бумаг, якобы выпущенных русскими военными властями, таких, как «приказы принца Vasconqu» или приказы «принца Votkonsky» (где перечислялись «поручения офицера, ответственного за поиски»), «список русских дезертиров» с номером 62 на поле и двумя печатями (одна — с имперским орлом, другая — со старыми гербами Франции), таблица дезертиров департамента Сомма и др.⁴⁴

В ходе последнего рассмотрения этого судебного дела, которое происходило во время Ста дней, Августин Розе предложил себя на службу своей стране и своему суверену. В отличие от Жюльена Сореля Стендаля, он мечтал о престижной военной карьере в то время, когда эта возможность стремительно исчезала. В итоге авантюрист был признан жюри присяжных Нижней Сены невиновным. Это происходило в разгар эпохи Ста дней, в период политической неопределенности.⁴⁵ Этот человек из Шампани представлял собой типаж мошенника, который использовал фальшивые бумаги. Собственно, он был не столь страшен, как некоторые из его современников, с которыми приходилось пересекаться в эту эпоху.

Дело Розе свидетельствует об обстановке неопределенности, сопровождавшей оккупацию и последующее события, об обстановке, характеризующейся большим числом сбежавших заключенных, передвижениями людей всех мастей и неясностью в отношении того, кто к какому лагерю принадлежал. В этой истории фигура оккупанта побуждала местные французские власти к действиям. Помимо статуса военного победителя, казак приобрел черты «сильного мира сего», способного обмануть власть имущих. Далеко не варвар, каким наполеоновская пропаганда его изображала, казак представляет собой фигуру социального реванша, подрыва социальных, политических и экономических сил, оказавшуюся на службе у бедняков и деклассированных, которые и попытались воспользоваться этим полисемантическим образом.

Jacques Hantraye

Researcher, Center study of the history of the XIX century University of Paris I (France, Paris)
E-mail: jacques.ha@free.fr

USE OF THE IMAGE OF COSSACK AND THE RUSSIANS IN FRANCE DURING THE FIRST RESTORATION (1814–1815)

On the basis of a set of documents from the French provincial archives the author reconstructed popular ideas of the late Napoleonic France about the Cossacks and the Russians in general. Materials of one of the criminal cases adjudicated in a court in Normandy in 1814 demonstrated that the possibility of the coming of the troops of Alexander I was scary for the non-combatant population even in locations pretty far removed from the battle fields. This allowed the criminal elements to use the image of a Russian for intimidation of the local provincial elites. This type of manipulations became possible because the French people had very scanty knowledge about the conquerors.

⁴³ Там же. Комиссар полиции Фекана судебному следователю Гавра, 23.10.1814.

⁴⁴ Там же. Материалы допроса, трибунал Гавра, 01.10.1814.

⁴⁵ Там же. Материалы судебного заседания, 06.05.1815.

The article offered a chance to reconstruct the initial stage of the formation of the French people's collective memory about the Russians of the Napoleonic wars period, particularly of the period when the country was occupied by the allies' armies during 1814–1818.

Key words: *image of Cossack in the collective memory of the French, occupation of France in 1814, Russian deserters in France in 1814*

REFERENCES

- Bargeton R., Bougard P., Le Clere B., Pinaud P. F. *Les préfets du 11 ventôse an VIII au 4 septembre 1870* [The prefects of 11 Ventôse VIII to September 4, 1870]. Paris: Archives nationale, 1981, 422 p. (in French).
- Boudon J. O. *Napoléon et la campagne de France* [Napoleon and the Battle of France]. Paris: Armand Colin, 2013, 364 p. (in French).
- Georges Six. *Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire* [Biographical dictionary of French generals and admirals of the Revolution and the Empire]. Paris; Saffroy: Librairie, 1934, Vol. II, кол-во страниц p. (in French).
- Нантрайе J. *Les cosaques aux Champs-Élysées* [Cossacks on the Champs-Élysées]. Paris: Belin, 2005, 303 p. (in French).
- Koutzoukiatis G. *La Revue Historique* (The Historical Review), 2008, № 5, pp. 95–106. (in French).